

В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ Советского Союза произошло очень важное событие 13 мая 1967 года: Политбюро ЦК КПСС сменило председателя Комитета госбезопасности. Большинство историков до сих пор убеждены, что отправленный в отставку главный чекист страны Владимир Семичастный и его преемник Юрий Андропов до последнего ничего не знали о планах тогдашнего генсека Леонида Брежнева на их счёт.

Кстати, Семичастный спустя десятилетия после вынужденного ухода из органов подтверждал, что о своём смещении узнал прямо на заседании Политбюро. И он, видимо, не лукавил. Другое дело, каким же он был чекистом, если даже не догадывался о готвящемся увольнении? Любой серьёзный политик знал аксиому: новый руководитель страны начинал с того, что если не полностью набирал новый состав в секретариат и охрану, менял главного казначея партии и назначал новую верхушку в силовой блок и в Министерство иностранных дел, то как минимум укреплял эти структуры преданными ему людьми. И Брежнев не был исключением. За короткий срок он сменил главного помощника лидера партии Григория Шуйского на Георгия Цуканова, контролировавшего партийную кассу управления ЦК Константина Черныева на Георгия Павлова, начальника партийной канцелярии Владимира Малина на Константина Черненко и отказался оставлять в воссозданном Министерстве внутренних дел Вадима Тикунова, назначив министром близкого ему Николая Щёлокова. И было очевидно, что когда-то должна была прийти очередь и до руководства КГБ, ибо Семичастный никогда не входил в ближний круг Брежнева, а наоборот — с комсомольской юности был заточен главным образом на другого члена Политбюро — Александра Шелепина, а заключённый в 1964 году союз с Брежневым носил ситуативный характер.

Но вряд ли решение Брежнева о смене председателя КГБ оказалось полной неожиданностью для самого Андропова. Если верить мемуарам многолетнего помощника по международным делам тогдашнего генсека Андрея

Из этого следует третье: ну как это Андропов никаким боком не имел отношения к отставке Хрущёва? Почитайте признания бывшего председателя правительства России и члена Политбюро Геннадия Воронова. Он утверждал, что лично его привлёк к готовившемуся заговору непосредственно Брежнев. Но Воронов дал согласие на участие лишь когда увидел список с фамилиями вставших на сторону Брежнева видных функционеров. А показал ему Брежнев эту бумажку в присутствии Юрия Владимировича.

Напомним: Андропов тогда курировал в ЦК связи с соцстранами. Видимо, ему отводилась в неформальном штабе по смещению Хрущёва одна из ключевых ролей. Логично было бы, имея в виду официально направление работы возглавляемого им отдела, предположить, что он должен был впоследствии в нужное дело объяснить увольнение Хрущёва руководством всех соцстран. Но, похоже, не это являлось его главной задачей. Андропову, судя по всему, отводилась роль одного из идеологов. Брежнев не мог положиться на секретаря ЦК по пропаганде Леонида Ильичёва, сохранявшего верность Хрущёву, и на заточенные на Ильичёва телевидение и ключевые газеты. А поскольку серый кардинал готовившегося заговора Михаил Суслов и без того уже был перегружен всевозможными делами, Брежнев контроль над СМИ возложил, надо полагать, на Андропова.

Что свидетельствует в пользу этой версии? Смотрите: кто перед пленумом ЦК, на котором собирались поставить вопрос о Хрущёве, был направлен в Гостелерадио, которым до этого руководил верный хрущёвец и личный друг

ли, что это было сделано по просьбе Вячеслава Молотова, которого новая гвардия вытеснила из опалы. Однако кто тогда в ЦК курировал международную деятельность? Суслов. И без его согласия перевод Андропова на должность начальника 4-го европейского отдела был невозможен. Безусловно, впоследствии Суслов приложил руку и к назначению Андропова послом в Венгрию. А кому в период обострения венгерских событий Андропов делал доклады, на основе которых Кремль летом и осенью 1956 года принимал сначала политические, а потом и военные решения? Очень многие вещи сначала сообщались Суслову, а уже потом Хрущёву.

После Венгрии Москва дважды собиралась Андропова повысить. Первый раз его хотели утвердить главным кадровиком советского МИДа. А кто проталкивал это решение? Молотов? Или всё-таки Суслов? Когда же приказ о назначении Андропова в МИД власть отозвала, то какой другой вариант действовал Суслов (вкюпе с Куусиненом)? Он пробил утверждение Андропова руководителем созданного в 1957 году отдела ЦК по связям с соцстранами. Важное уточнение: курировать этот отдел с первых шагов стал сам Суслов (хотя и Куусинен не дремал).

Теперь вспомним, как повёл себя Андропов в этом отделе: он инициировал кучу вольностей и послаблений для своего аппарата. Сотрудники его отдела получили доступ к любым печатным советским и зарубежным источникам, в том числе с антимарксистским содержанием. Им было позволено в кругу отдела высказывать самые разные оценки, порой несо-

людя в ожидании своих судеб совсем прекратили бы что-либо делать. И второе: Андропов выразил озабоченность положением дел в художественных кругах. "Известно, — заявил он, — что среди интеллигенции есть нездоровые элементы. Надо усилить воспитательную работу среди них, попытаться расслоить их на группы с тем, чтобы работать с этими отдельными группами, сплавивая их вокруг себя" (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 2, л. 49).

На том же заседании Секретариата ЦК Андропов отдельно выступил по поводу Солженицына. "Вопрос о Солженицыне, — высказал он свою точку зрения, — не укладывается в рамки работы с писателями. Он написал конкретные вещи, такие как "Пир победителей", "Раковый корпус", но эти произведения имеют антисоветскую направленность. Надо решительно воздействовать на Солженицына, который ведёт антисоветскую работу" (РГАНИ, ф. 4, оп. 44, д. 2, л. 47).

Вёл тот Секретариат ЦК Суслов. И он практически во всём Андропова поддерживал, что заставляло сильно поворачивать Демичева. Тот не без оснований стал в действиях Юрия Владимировича усматривать подкол под него лично. Но на тот момент Демичева спасал его статус кандидата в члены Политбюро, которого не имел Андропов.

Но вот другой пример. Андропов уже тогда понимал, что советская система, особенно в плане экономики, несовершенна. В поисках рецептов совершенствования экономических моделей он не раз обращался к опыту других стран. И весной 1967 года у него возникла идея направить советских учёных-экономистов в Югославию, чтобы

тому, что Брежнев никогда не забывал важный в политике принцип: доверяй, но и от соглядатаев не отказывайся, мол, бережёного бог бережёт.

Здесь ещё, наверное, следовало бы назвать Юрия Плеханова, будущего начальника 9-го главка КГБ, отвечавшего за охрану первых лиц страны. Но чьим человеком он был — до сих пор загадка. Одно время Плеханов работал в аппарате ЦК и был секретарём Андропова, а затем сидел в приёмной генсека Брежнева, после чего вновь вернулся к Андропову. Вопрос: то ли этот человек по поручению Юрия Владимировича присматривал за Брежневым, то ли наоборот, он по заданию Брежнева присматривал за Андроповым?

Буквально через месяц после вступления в должность Андропов инициировал создание в своём ведомстве 5-го управления, в функции которого входил контроль в том числе за деятельностью творческой интеллигенции и борьба с диссидентами. Кстати, на должность начальника этого подразделения было несколько претендентов. Но Суслов настоял на своей креатуре, Александре Кадашеве, который до этого занимал пост секретаря Ставропольского крайкома КПСС по пропаганде (Суслов тоже хотел иметь в руководстве КГБ свои глаза и уши).

Насколько быстро Андропов смог войти в курс дел КГБ? И была ли его деятельность эффективной? Ответы на эти вопросы можно найти в его 14-страничной справке "О результатах работы Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и его органов на местах за 1967 год" (она была 6 мая 1968 года направлена Андроповым лично Брежневу).

А как Андропов негодовал по поводу ранее допущенных властями страны ошибок по национальному вопросу! Он считал, что эту тему следовало бы специально обсудить в Политбюро. "Не стоит ли, — писал Андропов, — подготвить тезисы ЦК КПСС по основным направлениям нашей политики в национальном вопросе?" (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 314, л. 26).

Интересным было отношение Андропова к Сталину и к вопросам теории. Он знал, как после смерти Сталина новые вожди боялись лично заниматься теоретическими вопросами. Многие опасались быть подвергнутыми остракизму, как Сталин, но уже в хрущёвскую пору, за работы по языкознанию. Но Андропов считал, что важно обращаться к вопросам теории. По его мнению, следовало провести широкие дискуссии по уставу сельхозартелей, экономическим проблемам, разработке новой Конституции.

Смелыми выглядели и идеи Андропова в сфере внешней политики. "Мы, — отмечал он, — не можем брать соцстраны на своё иждивение; единственно возможный тип сотрудничества — взаимовыгодный" (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 314, л. 31). Андропов предвидел, что соцстраны захотят укрепить экономические связи с Западом. Он понимал, что мы эту тенденцию не остановим. И что следовало нам делать? "Надо думать, как их (экономические связи. — Авт.) обезвредить политически".

Что же касалось оргработы, Андропов предлагал освободить Секретариат ЦК и Политбюро от рассматривания тысяч второстепенных вопросов.

Вообще-то 31-страничная записка Андропова очень походила на заявку для старта политической кампании. Получился, по сути, программный документ. Кстати, Андропов в этом документе предлагал раздать множество поручений, и ведь кому — членам Политбюро, которые по рангу стояли выше него. Вопрос в другом: этот документ с раздачей заданий членам высшего руководства писался по заказу Брежнева или исключительно по собственной инициативе председателя КГБ? Последнее — вряд ли. Уж слишком осторожным был Андропов. К большой предосторожности его причуила предыдущая работа в МИДе и в аппарате ЦК. Пережив венгерские события и смещение Хрущёва, он, безусловно, понимал, как в Политбюро могли воспринять его идеи, тем более что они не имели прямого отношения к тому участку работы, на который бросила его партия — к госбезопасности. Его как минимум обвинили бы в скрытом бонапартизме и быстро удалили бы завохром в каков-нибудь парторгство — по первой профессии. И не спасла бы Андропова заключительная фраза записки: "Хочу ещё раз подчеркнуть, что поданные в записке вопросы носят сугубо постановочный характер и не определяют конкретных решений" (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 314, л. 39).

Скорее всего, Андропов исполнял личное поручение Брежнева. Генсек ведь не был дураком. Он отлично понимал, в каком трудном положении принял партию и страну, а за четыре года партийный штаб так и не сформировал ни концепцию развития общества на ближайшие десятилетия, ни долгосрочную программу действий. Брежнев весьма напряжённо искал выход из политических и экономических кризисов, и тут ему было важно услышать разные мнения.

Нельзя исключать и другого. Возможно, Брежнев переводил Андропова из аппарата ЦК в КГБ всего на несколько лет — с тем, чтобы тот в последующем, напитанный недоступной другим важной информацией, вернулся в новом качестве непосредственно в политику, может, даже на вторую или третью роль в партии.

Тут что ещё следовало бы отметить: свою записку Андропов передал Брежневу не лично, а через заведующего общим отделом ЦК Константина Черненко. Тот 6 июля 1968 года доложил: "Леонид Ильич!

Тов. Андропов Ю.В. просил вручить этот материал Вам лично. Он сообщил, что об этом с Вами договорился" (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 314, л. 9).

А почему Андропов не лично отдал записку Брежневу в руки? Он же имел прямой доступ к генсеку и был у него чуть ли не каждый день. Андропов ведь понимал, что Черненко обязательно сунет свой нос в полученные материалы и всё прочтёт. А может, на это и был расчёт? Учитывая вес Черненко в аппарате ЦК, может, Андропов надеялся заразить и Черненко своими идеями, обрести в нём союзника? Забегая вперёд, скажу: близкими по духу людям Андропов и Черненко так и не стали, и до конца жизни скрытно враждовали.

Кстати, Брежнев вопреки написанным традициям не стал давать Черненко поручения разослать записку Андропова по Политбюро. Он принял её к сведению и спрятал у себя. Её обнаруживали уже после смерти генсека. 16 ноября 1982 года замзав общим отделом ЦК С. Автисян уточнил, что материал был найден в закрытом рабочем письменном столе Л.И. Брежнева "при осмотре его кабинета в здании ЦК КПСС 12 ноября 1982 года" (РГАНИ, ф. 80, оп. 1, д. 314, л. 8).

Видимо, Брежнев посчитал, что большинство членов Политбюро ещё не были готовы к тому уровню обсуждения проблем партии и общества, который хотел задать Андропов. С одной стороны, он не захотел обострять отношения внутри высшего парторгана, а с другой — попросил председателя КГБ и впрямь периодически вносить ему предложения о реформировании партийной работы и переустройстве общества.

К слову: новую такую попытку Андропов предпринял перед 25-м съездом КПСС, 6 января 1976 года. Очередная его записка по объёму стала почти вдвое меньше. Но она также носила радикальный для того времени характер и касалась прежде всего вопросов партийного строительства. Правда, на тот момент председатель КГБ уже был полноплавающим членом Политбюро. И вновь Брежнев материалы Андропова попридержал у себя. Почему?

Что ещё удивительно: копия записки Андропова, датированная началом 1976 года, давно уже хранится в Америке в так называемой коллекции советского генерала и советника Ельцина — Дмитрия Волконогова, и её может заказать любой исследователь, а у нас оригинал эти записки продолжает оставаться на секретном хранении. Не поэтому ли мы до сих пор очень многое о советских вождах не знаем?

Вячеслав ОГРЫЗКО

На фото: председатель Комитета безопасности при Совете министров СССР Ю.В. Андропов и генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев после вручения ордена Октябрьской Революции Андропову. Москва, 30 августа 1979 года

АНДРОПОВ И ЕГО ПЛАН

Извилистый путь к вершинам власти

Александрова-Агентова, Андропов узнал о своём предстоящем назначении чуть ли не перед началом заседания Политбюро, когда его к себе на предварительную беседу пригласил глава партии. Влиятельный функционер рассказывал: "Назначение в КГБ было совершенно неожиданным для Андропова. Хорошо помню, с каким ошарашенным видом он вышел из кабинета Леонида Ильича после беседы с ним. Я находился тогда в приёмной и спросил: "Ну что, Юрий Владимирович, поздравить вас — или как?" "Не знаю, — ответил он. — Знаю только, что меня ещё раз перекалало колесо истории" (А. Александрова-Агентова. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994. С. 265).

Но, думаю, вопрос о переходе Андропова в КГБ возник отнюдь не в мае 1967 года, а намного раньше. Восемнадцатого же мая принималось окончательное решение. И тут интересно понять, когда и почему Брежнев остановился на кандидатуре Андропова и кто выступил в роли рекомендателей.

ВЫШЕДШЕМ в конце 2023 года из-под пера Никиты Петрова (которого я отношу к числу весьма сомнительных историков) очередном жизнеописании Андропова утверждается, будто Андропов и Брежнев в хрущёвскую эпоху мало общались друг с другом, а к смещению Хрущёва Андропов и вовсе никакого отношения не имел. Другими словами, Петров дал понять, что, во-первых, кандидатура Андропова возникла чуть ли не случайно, во-вторых, Андропов к органам госбезопасности прямого отношения не имел и, в-третьих, Брежнев как бы выдал новому назначенцу аванс, взамен потребовав преданности. А это далеко не так.

Первое. Брежнев имел возможность наблюдать за Андроповым ещё с осени 1952 года, когда его избрали секретарём ЦК КПСС и поручили курировать генералитет Вооружённых сил и отчасти административные органы, а Андропов работал инспектором ЦК и занимался Прибалтикой. Леонид Ильич если не знал, то догадывался, кто стоял за Андроповым и в конце сталинской эпохи, и в хрущёвское время. Естественно, ему хорошо был известен круг интересов Андропова. Имен Брежнев также представление и о сильных и слабых его сторонах.

Второе. Несмотря на то, что в конце хрущёвского периода у Брежнева и Андропова были разные участки работы (один занимался в ЦК прежде всего оборонкой, другой — связями с социалистическими странами), да и политический вес они имели не одинаковый (Брежнев являлся членом самого высшего парторгана — Президиума ЦК, а Андропов занимал лишь пост заведомо ЦК, но, правда, в ранге секретаря ЦК), они постоянно поддерживали не только деловые контакты, их общение носило весьма доверительный характер.

зятя Хрущёва — Аджубея? Николай Месяцев. А какую он занимал должность? Заместителя Андропова в отделе ЦК по связям с соцстранами. А кого вскоре направили на смену Алексею Аджубею в газету "Известия"? Льва Толкунова. А он кем был? Ещё одним заместителем Андропова. Это случайность? Конечно же, нет. Нет сомнения и в том, что Андропов в 1965 году приложил руку к утверждению нового главного редактора газеты "Правда" — Михаила Зимианина, которого он знал ещё с военных времён и которого по линии ЦК курировал, когда тот руководил нашими посольствами в Чехословакии и во Вьетнаме.

Подозреваю, что Брежнев, когда задумался о перестановках в КГБ, не раз посоветовался со своим многолетним союзником Михаилом Сусловым. Почему именно с ним, а скажем, не с председателем советского правительства Алексеем Косыгиным или председателем Президиума Верховного совета СССР Николаем Подгорным, который любил представляться советским президентом? Да потому что Суслов, в отличие от других членов правящей верхушки, не представлял никакого клана и не рвался на лидирующую позицию, ибо его вполне устраивала роль второго человека, а точнее, серого кардинала. И, похоже, именно Суслов укрепил генсека во мнении, что самый лучший кандидат на пост руководителя КГБ — это Андропов.

Какие мотивы были у Суслова? Судьба впервые свела их в аппарате ЦК чуть ли не в 1951 году. Да, у них тогда был разный статус. Суслов к тому времени занимал весьма серьёзное положение, входил в состав Секретариата ЦК и курировал вопросы пропаганды, международных связей и в какой-то мере организационно-партийные дела, а Андропова перевели из Карелии лишь на должность инспектора ЦК (а потом утвердили заведомо отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов). Но что между ними было общего? Во-первых, их обоих одно время опекала такая одиозная личность, как Отто Куусинен (правда, на Суслова Куусинен имел меньшее влияние, чем на Андропова, и Суслов меньшим был ему обязан, нежели Андропов). И во-вторых, когда Суслов нагулял политический жиро, это привлекло внимание Георгия Маленкова и Лаврентия Берия. Началось изучение под микроскопом литовского периода деятельности Суслова. Не зря Маленков откомандировал Андропова как куратора Литвы в Вильнюс. Но тот, как говорили, по настоятельной просьбе Куусинена, негативным материалам на Суслова хода не дал.

ИДЁМ ДАЛЬШЕ. Вскоре после смерти Сталина Маленков выдал Андропова из аппарата ЦК. Но куда он перешёл? В Министерство иностранных дел. У нас везде писа-

ли, что это было сделано по просьбе Вячеслава Молотова, которого новая гвардия вытеснила из опалы. Однако кто тогда в ЦК курировал международную деятельность? Суслов. И без его согласия перевод Андропова на должность начальника 4-го европейского отдела был невозможен. Безусловно, впоследствии Суслов приложил руку и к назначению Андропова послом в Венгрию. А кому в период обострения венгерских событий Андропов делал доклады, на основе которых Кремль летом и осенью 1956 года принимал сначала политические, а потом и военные решения? Очень многие вещи сначала сообщались Суслову, а уже потом Хрущёву.

После Венгрии Москва дважды собиралась Андропова повысить. Первый раз его хотели утвердить главным кадровиком советского МИДа. А кто проталкивал это решение? Молотов? Или всё-таки Суслов? Когда же приказ о назначении Андропова в МИД власть отозвала, то какой другой вариант действовал Суслов (вкюпе с Куусиненом)? Он пробил утверждение Андропова руководителем созданного в 1957 году отдела ЦК по связям с соцстранами. Важное уточнение: курировать этот отдел с первых шагов стал сам Суслов (хотя и Куусинен не дремал).

Теперь вспомним, как повёл себя Андропов в этом отделе: он инициировал кучу вольностей и послаблений для своего аппарата. Сотрудники его отдела получили доступ к любым печатным советским и зарубежным источникам, в том числе с антимарксистским содержанием. Им было позволено в кругу отдела высказывать самые разные оценки, порой несо-

те ближе смогли познакомиться с тамошними реформами. Андропов внёс соответствующий проект постановления ЦК. Но в какой-то момент Андрей Кирилленко свою подпись под документом снял. И как повёл себя Андропов? Он решил, что ещё не пришло время сорисориться с этим влиятельным членом Политбюро и давать пищу для разговоров в центральном парторгате о том, что отдел по связям с соцстранами ориентируется на югославских ревизионистов. Другими словами, Андропов умел ждть, а в некоторых случаях даже на время отступать, с тем чтобы в перспективе всё-таки добиться своего. В этом плане он был не спринтером, которые рано сгорали, как Леонид Ильичёв или Алексей Аджубей, а стайером, к числу которых относились Брежнев и Суслов.

К слову: Брежнев, когда 18 мая 1967 года сообщил на заседании Политбюро о своём решении поменять руководство КГБ, особо оговорил, что предварительно по этому вопросу провёл консультации с Сусловым. Правда, представлять нового председателя КГБ он отправил на Лубянку не Суслова, а другого члена Политбюро — Андрея Кирилленко. Думается, это было сделано не случайно. Генсек явно хотел запутать следы. Он не хотел лишний раз, тем более в широком кругу, подчёркивать закулисную роль Суслова. Ему удобней было подать людям с Лубянки дело так, будто на смещении Семичастного и назначении Андропова настояла группировка именно Кирилленко, а не Суслова.

Ещё один существенный момент. Брежнев сразу повысил статус Андропова. Вспомним, с каких постов приходили в КГБ предшественники Андропова и какой они имели статус по партийной линии. Иван Серов до момента создания КГБ в 1954 году занимал должность первого заместителя министра внутренних дел СССР, имел воинское звание генерал-полковника и был всего лишь кандидатом в члены ЦК КПСС (в члены его перевели только в 1956 году). Александр Шелепин раньше работал в комсомоле и потом полгода руководил отделом парторганов ЦК КПСС по союзным республикам. Правда, он ещё с 1952 года входил в состав ЦК. А после КГБ его избрали сразу секретарём ЦК. Да, никакого воинского звания он не имел. Семичастный отчасти повторил путь Шелепина. Он тоже долго находился на комсомольской работе, потом недолго побыв в аппарате ЦК на должности заведомо, затем два года провёл в Азербайджане, откуда вернулся председателем КГБ. На момент назначения в КГБ Семичастный был кандидатом в члены ЦК, а через три года стал уже полноплавающим членом ЦК и получил погоны сразу генерал-полковника. Вероятно, в перспективе он рассчитывал получить повышение и стать секретарём ЦК.

Что из этого следовало? В глазах партактива могло сложиться впечатление, что Андропов уходил на понижение (он ведь терял статус секретаря ЦК). А по замыслу Брежнева и Суслова Андропов, наоборот, должен был усилить партийный контроль над органами госбезопасности. И как разрешил генсек эту задачу? Он на ближайшем же пленуме ЦК предложил избрать нового председателя КГБ кандидатом в члены Политбюро. Такого в новейшей истории партии и спецслужб ещё не было. Тем самым Андропову оказывалось небывалое доверие и одновременно большие почести. По своему новому статусу он ставился выше даже целого ряда секретарей ЦК, в частности, Бориса Пономарёва и Ивана Капитонова, и, что ещё важнее, выше действующих министра обороны СССР Гречко и министра иностранных дел Громыко.

С ЧЕГО НАЧАЛ Андропов на новом посту? Естественно, он в первую очередь постарался сформировать из верных ему людей личный секретариат и провести на ключевые должности свою команду. Но это ему удалось лишь отчасти. Брежнев не стал возражать, чтобы вместе с Андроповым из ЦК на Лубянку перешло несколько человек из отдела по связям с соцстранами, в частности, Владимир Крючков, Павел Лаптев, Виктор Шаранов, Евгений Карпенченко и другие. Но он тут же навязал Андропову в качестве заместителя ряд своих людей: первым делом Семёна Цингуна, Георгия Цинёва и Виктора Чебрикова, а также заведомо отдела административных органов ЦК Ардалиона Малыгина. Это я к